

— Младший брат-ученик, твоя старая хворь еще не прошла, тебе нельзя находиться на сквозняке.

Человек, только что вошедший в комнату, взмахнул рукой, и все окна тут же захлопнулись.

Жун Бунянь: «?!»

Что это еще за фокусы?

За восемнадцать лет жизни Жун Бунянь впервые столкнулся с тем, что выходило за рамки его материалистического восприятия. Он остолбенел, наконец начав осознавать, что ситуация выходит за пределы всякого воображения.

— Младший брат-ученик, ты только что пришел в себя, твое тело еще очень слабое, тебе нужно как следует отдохнуть.

Жун Бунянь помедлил пару секунд. Подумал, что этот человек вроде бы не похож на сумасброда, и если объяснить всё толком, тот вряд ли станет его удерживать. Возможно, удастся даже выяснить, как вернуться обратно. Хотя в голове у него всё еще стоял густой туман и он не помнил ни своего имени, ни кто он такой, здравый смысл подсказывал: это место ему совершенно не знакомо.

Поэтому он поднял голову и серьезно произнес:

— Послушайте, я приношу извинения, но должен прояснить: я вовсе не ваш младший брат-ученик. Я... я не знаю, как и почему проснулся здесь, но в любом случае, к вашему брату я не имею никакого отношения. Вы, должно быть, ошиблись, я сейчас же уйду — не буду вас больше беспокоить.

Сделав паузу, Жун Бунянь добавил:

— Кстати, было бы замечательно, если бы вы сказали мне, кто вы такой, где это место и как мне отсюда выбраться.

Человек выслушал его, не перебивая, лишь улыбался — в его взгляде читалось некое терпеливое наставничество.

Дождавшись, пока Жун Бунянь закончит, он заговорил:

— Это Секта Тяньсюань, я — твой старший брат-ученик Юнь Цихэ. Три года назад, сражаясь с великим демоном, ты повредил сердечные меридианы и с тех пор был тяжело ранен. Я думал, что после пробуждения тебе уже ничего не угрожает...

На этих словах он поджал губы, выглядя очень виноватым.

— Но теперь я вижу... те ранения, должно быть, привели к тому, что твоя память спуталась. Впрочем, не беда. Я уже отправил Синчжи в Город Неспящих за лекарством, судя по времени, он скоро вернется. Тогда твои раны исцелятся сами собой, а память — память, конечно, тоже восстановится.

— Нет, постойте, я же...

— Не бойся, здесь тебя никто не обидит, — Юнь Цихэ протянул руку и похлопал его по спине, тон был почти что нежным. — Возможно, тебе сейчас непривычно, но ты всегда отличался сообразительностью, так что проблем с тем, чтобы снова освоиться, быть не должно.

Жун Бунянь: «...»

Я-то думал, что наткнулся на адекватного человека, а он меня вообще не слушает.

— Да нет же! Я правда не ваш младший брат-ученик, я понятия не имею, как здесь оказался, поверьте мне!

— Младший брат-ученик, отдыхай и не забивай себе голову. Сейчас твоя память спутана, лишние раздумья вредят выздоровлению, — Юнь Цихэ лишь счел его слова очередным бредом.

Жун Бунянь был готов схватить его за грудки, чтобы доказать свою личность:

— Я правда не ваш младший брат-ученик! И я вовсе не ранен!

— Жун Бунянь! Опять ты за свое? — по-видимому, тон Жун Буняня показался слишком агрессивным, и тот вспыльчивый юноша, что был в комнате ранее, не удержался и огрызнулся.

Юнь Цихэ бросил на него взгляд:

— Цзылин, не дерзи. Он твой дядя-наставник.

Жун Бунянь был поражен увиденным: стоило старшему лишь негромко это сказать, как Цзян Цзылин тут же притих. Власть авторитета была абсолютной.

В комнате воцарилась тишина.

Жун Бунянь первым не выдержал. Он в отчаянии соскочил с кровати, намереваясь пройтись, чтобы доказать этой парочке учителю и ученику, что он совершенно здоров.

Но стоило ему коснуться ногами пола, как он едва не рухнул. Хорошо, что Юнь Цихэ вовремя его подхватил.

Усадив Жун Буняня обратно на кровать, Юнь Цихэ сказал:

— Ты слишком долго лежал, слабость в ногах — дело обычное. Сначала попробуй направить ци, чтобы размяться.

«...»

Ощувив под собой край кровати, Жун Бунянь почувствовал, как сердце ухнуло в пятки: черт, я что, правда стал «овощем»? Неужели я взаправду провалялся тут три года?

Он молча принялся растирать ноги, но, сделав пару движений, замер.

Юнь Цихэ, увидев, что первой реакцией того стало растирание ног, не нашелся, что сказать, лишь горько усмехнулся:

— Что, ты даже забыл, как направлять ци?

Жун Бунянь не обратил на него внимания. Он начал внимательно рассматривать свои руки: белые, тонкие, с отчетливо видными суставами, ни единого шрама.

Красивые — да, но это были не его руки. Он всю жизнь держал ручку, на его указательном пальце всегда был мозоль.

А сейчас его не было.

Юнь Цихэ, видя, что тот всё еще не верит и сильно взволнован, попытался его успокоить:

— Бунянь, не спеши. Даже если уровень культивации утрачен, его можно вернуть.

— Да всё равно толку от его культивации никакого, что есть она, что нет — одно и то же, — вставил свои пять копеек Цзян Цзылин.

Жун Бунянь не стал отвечать. Теперь он был по-настоящему напуган.

Выдавив из себя улыбку, которая выглядела печальнее слез, он попросил:

— Будьте добры, дайте мне зеркало.

Юнь Цихэ посмотрел на него с таким видом, будто не знал, что с ним делать, но все же перевернул ладонь, достал зеркало и протянул ему.

В другое время Жун Бунянь был бы поражен подобным трюком, но сейчас он был слишком занят мыслями о том, действительно ли он остался собой, и ему было не до чудес.

Как только зеркало оказалось в руках, он застыл.

Человек в отражении был и им, и в то же время нет. Черты лица совпадали процентов на семьдесят-восемьдесят. Если приглядеться, это был он сам в шестнадцать-семнадцать лет. Единственная разница — у того человека были длинные волосы, рассыпанные по плечам до самой талии. Выглядел он примерно так же, как тот несносный и вспыльчивый юноша, которого Жун Бунянь увидел, открыв глаза.

Жун Бунянь моргнул — человек в зеркале моргнул в ответ. Он склонил голову набок — отражение повторило движение. Даже боль от того, что он ущипнул себя за руку, была самой настоящей.

Неужели... он и правда переродился, вселившись в чужое тело?

Жун Бунянь не мог принять этот абсурдный факт. Он сжимал зеркало, глядя на изображение, долго молчал, а в конце выдавил из себя лишь сухое:

— Пожалуйста, оставьте меня одного, хорошо?

Пока он смотрел в зеркало, Юнь Цихэ всё это время стоял рядом с выражением глубокой заботы.

Он хотел было что-то сказать, но, увидев состояние Жун Буняня, лишь махнул рукой, приказывая остальным выйти.

— Младший брат-ученик, ты действительно ничего не помнишь? — Юнь Цихэ непроизвольно сделал шаг вперед, его брови были нахмурены, он казался искренне встревоженным.

<http://bllate.org/book/27937/3384792>